

Авдеенко Иван Анатольевич

СИМВОЛ КАК ВИД ПРОТОТЕКСТА

В статье рассмотрены особенности символа как вида прототекста. При этом под прототекстом понимается иррациональный объект, способный стать стимулом для создания материально воплощенных текстов. Сопоставляя символ с другими видами прототекстов, автор показывает, что символический прототекст, в силу релятивности семантики символа, позволяет отразить неподвластные разуму связи, а также выразить недоступное пониманию эмоциональное ощущение свойств мира.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/7-2/2.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 7 (49): в 2-х ч. Ч. II. С. 16-18. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81

Филологические науки

В статье рассмотрены особенности символа как вида прототекста. При этом под прототекстом понимается иррациональный объект, способный стать стимулом для создания материально воплощенных текстов. Сопоставляя символ с другими видами прототекстов, автор показывает, что символический прототекст, в силу релятивности семантики символа, позволяет отразить неподвластные разуму связи, а также выразить недоступное пониманию эмоциональное ощущение свойств мира.

Ключевые слова и фразы: символ; прототекст; тема текста; авторский замысел; художественный текст; семантика; текстообразование.

Авдеенко Иван Анатольевич, к. филол. н., доцент

*Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет
iavdeenko@mail.ru*

СИМВОЛ КАК ВИД ПРОТОТЕКСТА[©]

Термин «прототекст» используется в современном научном дискурсе в двух основных значениях: 1) то же что прецедентный текст, который может существовать в реальности или требовать своей реконструкции [4; 6; 7; 9; 10]; 2) базовый, существующий подсознательно, недоступный восприятию объект, который является импульсом для создания конкретных текстов и в силу последнего так или иначе обнаруживается в них [3, с. 189; 8, с. 297]. Оба понимания объединяются представлением о знаковой природе прототекста. Отличие же на первый взгляд сводится к тому, что в первом случае прототекст имеет хотя бы гипотетическое материальное воплощение, а во втором – не имеет.

Попытка выяснить, может ли прототекст во втором понимании воплощаться в материально выраженных знаках, привела автора настоящей работы к следующим результатам.

Прототекст как существующий подсознательно объект, подталкивающий автора к своему материальному воплощению в тексте, соотносим с двумя традиционными филологическими понятиями – темой текста и замыслом. Тема в рамках теории текста понимается как свертка денотатной структуры, начальный пункт его создания и конечный пункт его понимания. Тема имеет идеальную природу, однако, задает логику всей денотатной структуры текста, соотносимую с логикой предметных отношений [5]. Замысел считается первой ступенью творческого процесса, выраженной в виде первоначального мысленного наброска, схемы будущего произведения в сюжетном и идейном планах, его творческой концепцией [10, с. 87]. Однако при всей своей содержательности эти понятия ни в отдельности (поскольку понятие темы не позволяет охарактеризовать суть перехода от логики предметных отношений к авторской логике изложения, а понятие замысла – возникновения этой логики), ни в совокупности не могут отразить механизм возникновения художественного текста.

С другой стороны, содержательная ткань текста имеет обычно свое концентрированное знаковое воплощение – заголовок. Даже с учетом того, что названия художественных произведений меняются в процессе работы над текстом, можно предположить, что основной механизм смыслового развертывания некоторого размытого, изначально не ясного содержания может быть заложен именно в названии как имеющей материальный план выражения и побуждающей к осмыслению мира единице. Понимая, что выявление соотношения прототекста и названия требует отдельного детального изучения, отметим некоторые виды прототекста, отраженные в названии. 1) прототекст предложение («Горе от ума», «Не в свои сани не садись»); 2) прототекст парадокс («Мертвые души», «Живой труп»); 3) прототекст проблема («Преступление и наказание», «Отцы и дети»); 4) прототекст метафора («Солнечный удар», «Момент истины»); 5) прототекст жанр («История одного города», «Маленькие трагедии», «Драма на охоте»); 6) прототекст характер героя («Обломов», «Евгений Онегин»); 7) прототекст ситуация («После бала», «Три сестры»); 8) прототекст интрига («Черный человек», «Чапаев и Пустота»); 9) прототекст символ («Роза», «Обрыв», «Дым»).

Во всех случаях (ряд примеров легко можно продолжить) имеет место выраженный в слове (словосочетании, предложении) внутренне неоднозначный, требующий развернутого осмысления семантический комплекс. Так, например, предложение «Горе от ума» объединяет противоположные внешне аксиологические поля негативного характера мироощущения и позитивного способа мировосприятия. Их совмещение в рамках одной смысловой единицы составляет своеобразный мысленный эксперимент, результаты которого с помощью языка художественной литературы воплощаются в конкретном тексте. Аналогичные мысленные эксперименты в отношении внутреннего противоречия (предложение, парадокс, проблема, метафора) или возможностей взаимодействия с внеположенными единицами различных свойств (жанр, характер героя, ситуация, интрига) предполагают и другие прототексты.

Особое место среди названных выше случаев занимает символ. Специфика символа как знака особого рода состоит в своего рода аннигиляции понятийного ядра семантики, вследствие которого его семантика становится панрелятивной, преобразуется в сеть отношений, содержательно соотносимую с концептом в лингвокультурологическом смысле [1]. Это открывает перед авторами художественных текстов широкий спектр возможностей совмещения в рамках одного контекста разнородных (несовместимых) в рациональном плане явлений.

В качестве примера рассмотрим текст Владислава Суркова «Это я»: «Я смотрю себе вслед, вслед идущему мимо уснувших / По минорным ступеням февральских октав персонажем нестройного дня. / Знать бы, кто из нас я, – / Стало б ясно, кого надо слушать. / Кто справлял свои праздники втайне / От летящей по следу тоски? / Кто окликнул сбежавшего ангела / С высокосного берега мутной строки? / Это я. / Это должен быть я. / Это всё ещё я. // Я смотрю себе вслед, вслед почти старику и калеке, / Оплывающему как измученный лёд где-то в обетованной весне, / И всё кажется мне: / В этот раз мы простились навеки. / Кто учил, что со временем тёплым / Пара яблонь, открытых вчера, / На обрыве оврага и облака / Образуют собой одноразовый рай? / Это я. / Это должен быть я. / Это всё ещё я. // Я сморю на себя, обернувшись на позднем пороге, / Перед тем как шагнуть из последней зимы прямо в тысячелетний апрель: / Кто я буду теперь, / Кто мной брошен в начале дороги? / Кто забыл, где у вторника вечер? / Кто любил быть любимым, но был / Простаком, серебро умной вечности / Разменявшим на медные звёзды судьбы? / Это я. / Это должен быть я. / Это всё ещё я» [14].

В структуре этого текста ключевые позиции занимают элементы, лишённые логики предметных отношений: «я смотрю себе вслед», «по минорным ступеням февральских октав», «персонажем нестройного дня», «с высокосного берега мутной строки», «как измученный лёд где-то в обетованной весне», «пара яблонь, открытых вчера», «на обрыве оврага и облака», «шагнуть из последней зимы прямо в тысячелетний апрель», «серебро умной вечности, разменявшим на медные звёзды судьбы». Следовательно, фактор темы не может рассматриваться в данном случае как текстообразующий. То же можно утверждать и в отношении замысла: автор не ставит перед собой целью совмещением несовместимых языковых единиц выразить алогичность мира.

В то же время специфика сочетания элементов текста целиком укладывается в семантические отношения, заданные символом РЕКА, при том, что сама лексема «река» или ее производные в тексте не используются. Река символизирует диалектическое тождество объекта во времени, что оправдывает выражение «я смотрю себе вслед». Река символизирует речь, в том числе в ее песенной форме, отсюда возможность использования в одном контексте музыкальных терминов «минорные ступени октав», а также правомерность замены предсказуемого элемента «река» на логически непредсказуемое «строка». Семантическая сеть значения символа РЕКА связывает стихию воды с оковами льда, границы берега с безбрежностью пара, поэтому в одном контексте допустимы и «измученный лёд», и «обетованная весна», а зевгма «на обрыве оврага и облака» не представляется таковой. Через речь символ реки соотносит природу и разум, что делает обоснованным, казалось бы, алогичное сочетание «пара яблонь, открытых вчера». Органичная связь символики реки с символикой воды определяет соотносимость в тексте христианских (рай, тысячелетний апрель), сказочных (серебро умной вечности) и астрологических (звёзды судьбы) аллюзий и т.д.

С другой стороны, символ (суггестивный символ в терминологии Л. З. Зельцера) это единица языка художественной литературы, способная не отражать мир, а выражать его, как это делает музыка [2]. В этом смысле символ как вид прототекста позволяет схватить невыразимое словами, таинственное, недоступное пониманию, подобен ноте, способной воплотить в относительно устойчивую форму мелодии интонацию мироощущения автора. А следовательно, в отличие от других прототекстов символ скрепляет текст эмоциональным переживанием, которое нельзя объяснить средствами рационального анализа текста.

В этом отношении показательны протолексемы, организующие поэтические тексты. Классическими примерами таких единиц являются, например, «Бобэоби», «Вэзоми» и др. (В. Хлебников [12]), «Дыр булл щыл» (А. Крученых [13]). Понимание таких единиц как своеобразных символических прототекстов позволяет объяснить их использование в художественной речи в качестве знаковых форм, выражающих интонацию мира, недоступную возможностям лексики языка. Аналогично можно рассматривать вокализы культовых песенных текстов: «Жар бог шуга» (Алиса [15]), «Бошетунмай» (Кино [17]), «Тутти-фрутти» (Элвис Пресли [16]). Последние в разной степени являются дескрипторами русской и западной рок-культуры. В частности вокализ Элвиса Пресли «Тутти-фрутти» стал одним из символов американской рок-культуры 50-60-х гг. XX в.

Таким образом, специфика символа как вида прототекста состоит в возможности, с одной стороны, вследствие семантической релятивности, ассоциативности отразить неподвластные разуму связи, а с другой – выразить свойства мира, доступные не пониманию, а эмоциональному ощущению.

Список литературы

1. **Авдеенко И. А.** К вопросу о символе как конвенциональном знаке особого рода // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 1 (19). С. 15-17.
2. **Зельцер Л. З.** Выразительный мир художественного произведения. М.: Некоммерческая издательская группа Э. Ракитской («ЭРА»), 2001. 451 с.
3. **Казарина Т. В.** Александр Введенский: прототекст и интертекст // *Mixtura verborum'* 2007: сила простых вещей: сборник статей / под общ. ред. С. А. Лишаева. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2007. С. 189-198.
4. **Кузнецов И. В., Ляляев С. В.** Фрагменты и письма 1910 года как прототекст творчества Б. Пастернака // Критика и семиотика. 2014. № 1. С. 217-237.
5. **Новиков А. И.** Семантика текста и ее формализация. М.: Наука, 1983. 214 с.
6. **Орлова Н. М.** Textoобразующая роль прецедентных феноменов библейского истока // И. А. Бодуэн де Куртэнэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания: III Междунар. Бодуэновские чтения (Казань, 23-25 мая 2006 г.): труды и материалы: в 2-х т. / под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2006. Т. 1. С. 105-107.
7. **Петрова Н. В.** Интерпретация и модификация сказок // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. № 2 (18). С. 187-193.
8. **Почепцов Г. Г.** Информационно-политические технологии. М.: Центр, 2003. 384 с.

9. Прохоров Г. С. Библиейский прототекст в поэме Вен. Ерофеева «Москва-Петушки» [Электронный ресурс] // Литературный текст: проблемы и методы исследования. Анализ одного произведения: «Москва-Петушки» Вен. Ерофеева: сборник научных трудов. Тверь: Тверской государственный университет, 2001. URL: http://www.moskva-petushki.ru/articles/poema/analiz_odnogo_proizvedeniya/2 (дата обращения: 09.04.2015).
10. **Словарь литературоведческих терминов** / ред.-сост. Л. И. Тимофеев и С. В. Тураев. М.: Просвещение, 1974. 509 с.
11. **Топоров В. Н.** Заметки по реконструкции текстов // Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 1. Теория и некоторые частные ее приложения. С. 415-450.
12. <http://rvb.ru/hlebnikov/tekst/001stihi/021.htm> (дата обращения: 09.04.2015).
13. <http://silverage.ru/kruch/#st1> (дата обращения: 09.04.2015).
14. <http://surkov.info/tekst-pesni-vladislava-surkova-eto-ya/> (дата обращения: 21.04.2015).
15. http://www.alisa.net/disk1/mp3/1990_shabash/02.mp3 (дата обращения: 09.04.2015).
16. http://www.lastfm.ru/music/Elvis+Presley/_/Tutti+Frutti (дата обращения: 09.04.2015).
17. <https://music.yandex.ru/album/10100/track/106260> (дата обращения: 09.04.2015).

THE SYMBOL AS A PROTOTEXT TYPE

Avdeenko Ivan Anatol'evich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Amur State University of Humanities and Pedagogy
iavdeenko@mail.ru

The article examines the peculiarities of a symbol as a prototext type. At the same time by the prototext the irrational object is understood, capable of becoming the incentive for the creation of the materially embodied texts. Comparing symbol with other types of prototexts, the author shows that a symbolic prototext, in view of the relativity of the symbol semantics, allows reflecting non-subject relations to the mind, and also expressing the emotional feeling of the world features which is beyond one's comprehension.

Key words and phrases: symbol; prototext; the theme of the text; the author's message; artistic text; semantics; text formation.

УДК 8;81

Филологические науки

В статье описываются результаты анализа контекстуального употребления слова «рекрутинг» в текстах, освещающих вопросы развития российской системы образования. Полученные данные свидетельствуют о том, что наблюдается изменение объема семантической наполненности слова «рекрутинг» в текстах, относящихся к сфере образования.

Ключевые слова и фразы: лексическое значение слова; изменения лексического значения слова; контекстный анализ; система образования; рекрутинг.

Алимушкина Ольга Алексеевна, к. филол. н.
Алтайский государственный университет
alimolga1@yandex.ru

РАЗВИТИЕ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА «РЕКРУТИНГ» (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ, ОСВЕЩАЮЩИХ ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНИЯ)[©]

Проблема «лексического значения», особенно в аспекте его изменения, волновала лингвистов всегда. Значение слова – это не константная единица, а единица, способная изменяться. Под лексическим значением слова традиционно понимается «содержание слова, отображающее в сознании и закрепляющее в нем представление о предмете, свойстве, процессе, явлении и т.д.» [5, с. 261]. Проследить изменения структуры лексического значения слова можно, ориентируясь на данные толковых словарей, на материалы экспериментов по толкованию слова, а также на результаты анализа употребления слова в контекстах. В качестве методов анализа лексического значения слова называются психолингвистические и лингвистические, последние различаются по отношению к парадигматике и синтагматике: «к синтагматически ориентированным методам относятся дистрибутивный, изучение сочетаемости слов и контекстуальный» [Там же, с. 262].

Цель данной работы – проследить, какие изменения происходят в понимании значения слова «рекрутинг», основываясь на материалах анализа контекстов, представленных в текстах, относящихся к сфере образования. Интерес к данным текстам обусловлен тем, что в последнее время российская система образования переживает активную реформу: так, в 2012 году был обновлен Федеральный закон об образовании, произошла смена образовательных стандартов и т.п. Закономерно, что в текстах, освещающих вопросы образования, нашли отражение результаты административных преобразований: появляются «новомодные» слова, слова с новыми значениями, заимствованные слова. В своей работе мы сконцентрировали внимание на контекстах со словом «рекрутинг», ставшим сейчас одним из модных и брендовых, попытаемся проследить, какие компоненты значения в них актуализируются. Для анализа нами привлекались контексты статей, посвященных вопросам развития системы образования, а также контексты, обнаруженные на официальных сайтах российских университетов.